

Он вошел в мою жизнь бесповоротно, раз и навсегда, и все годы был рядом, разделив поровну мои невзгоды и радости, став настоящим другом. Отчетливо помню ту далекую, суровую пору, когда распахнулась шаткая фанерная дверь нашей полуподвальной «коммуналки». И, кособоко припадая на раненную ногу, осторожно переступил затоптанный порог долгожданной ноги в шинели, запудренной последним снежком победной весны... Мы глядели во все глаза, привыкая к мужественным черточкам лица, почти забытого за четыре голодных и холодных года... Из нехитрого солдатского вещмешка он достал цветастый полушалок - маме, а нам - потертый томик «Тихого Дона». Позднее я узнал, что после лечения в госпитале отец выменял его на толкучку за буханку хлеба. Вечерами при свете коптилки мы слушали бессмертные страницы... Конечно, многого не понимали! Но беззаветная любовь Ильиничны, трагическая судьба Аксины, бесшабашная смелость Григория Мелехова были родни событиям минувшей войны.

Вторично я заочно познакомился с Михаилом Александровичем, когда после школы неожиданно заглянул в распахнутую дверь нынешнего ростовского кафе «Космос» и остолбенел. Рядом с мраморным бюстом Шолохова стояли сам Шолохов и

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ *Росс. Вестн. - 1995. - 8 июня. - с 7.* На всю жизнь

Вучетич. «Смотри, уже пришел первый зритель», - обращаясь к скульптору, сказал Шолохов. Лукаво подмигнул мне и поманил рукой: «Заходи, хлопчик! Ну что, похож?» - «Да-а...» - протянул я. Очень!»

...Потом была третья, мимолетная встреча, когда из большой толпы на открытии памятника С.М.Буденному выхватил его и сопровождал взглядом, пока он не сел в машину. Именно тогда на улице Пушкинской мне показалось: скоро его увижу снова...

...Сентябрь 1967-го. В составе группы ростовских писателей я совершил литературный рейс на Верхний Дон. В те времена я был непозволительно молод, закален четырьмя ветрами геологических перекрестков, к тому же - автором сборничка стихов, что, видимо, сыграло решающую роль для руководителя Бюро пропаганды художественной литературы: меня включили в поездку с именитыми... Долгая дорога от Ростова до Вешенской утомляла, и я, чтобы скрасить пыльные версты, бесстрашно шутил в присутствии лучшего поэта юга России (кстати, существовал и такой титул!), пока он не пригрозил от-

правкой домой... Строгий командирский глас в миг отрезвил меня и заставил вглядываться в окошко автобуса, где уже склоняли русые головы круглолицые подсолнухи, словно рассматривая старческие морщинки троп мудрой земли, проступавшие сквозь чахлую траву...

Вешенская! Прошла одна беспокойная ночь. Гадали, как на ромашке: «Примет - не примет?» Утром мы стояли у высокого зеленого забора.

Калитка распахнулась.

Михаил Александрович встречал нас с улыбкой, перекачивая «беломорину» из края в край губ. Невысокого роста, в ладно сидящем черном пуловере с вязанными рукавами, по-снайперски зорко вглядывался в лицо каждому, поправляя рукой ковыльный чуб...

- Здравствуйте! Проходите, пожалуйста, - пригласил он делегацию в глубь двора. - Сегодня тепло. Может быть, устроимся на веранде?

Гости рассаживались. Шолохов не торопился. Плетеных деревянных кресел явно не хватало. Я, как самый юный, замер, увидев, что на одно место осталось нас двое.

- Садитесь. Сейчас принесут!

сказал Михаил Александрович. Через минуту секретарь Шолохова Петр Елизарович Чукарин поставил стульчик. - В ногах правды нет. Садитесь, - повторил он, легко подтолкнув и показав глазами на кресло. Так получилось: сижу рядом с Шолоховым. Чуть испугавшись такой близости, осторожно отодвинулся, чтобы не быть в центре, и, положив блокнотик на колени, несмотря на запрет ничего не записывать, все-таки запечатлел на бумаге отдельные фразы беседы... Кажется, время остановилось. И даже лопухий солнечный зайчик прислушивался...

Главными собеседниками стали писатель-земляк Михаил Никулин, знавший Шолохова с детских лет, и бывший редактор миллеровской газеты, журналист Григорий Тягленко. В те дни мы уже прослышали: Шолохов трудится над романом «Они сражались за Родину». Чувствовалось: оторвали его от рабочего стола. И все-таки Шолохов был настроен добродушно. Обращаясь к Никулину, заметно прибавившему в весе, выговаривая «ч» как «ш», шутил: «Станичник, давненько не виделись. Почаще приез-

жай. Воды у нас такие - вылетат тебя и снаружи, и снутри!»

- Михаил Александрович, как работаете? - наконец отважился спросить Никулин.

- Хорошо! - коротко ответил Шолохов и больше не возвращался к этой теме, ненавязчиво переведя разговор на перспективу развития станицы в связи с открытием лечебных источников... Эти вопросы волновали Михаила Александровича. Тягленко, влюбленно глядя на творца «Тихого Дона», все-таки пытался повернуть разговор в литературное русло. Хотел, чтобы мы прочитали стихи. Видимо, Шолохов в то утро не был настроен лирически.

- Потом, когда поедите и вас примут в казаки...

(Скажу сразу: в казаки приняли меня в станице Терновской на следующий день. А вот встретиться не удалось. Михаил Александрович срочно улетел на сессию Верховного Совета СССР...)

Все поняли: подошел конец двухчасовой беседы. Встали, как по команде, одновременно. Поэт, над которым я подтрунивал в дороге, решил отомстить неразумному мне: «Михаил Александрович, надо же, Аршак, мягко говоря, нагловатый молодой человек. А вас увидел - покраснел, как девушка!»... Шолохов на мгновение приостановился. И, сурово взглядывая то на него, то в мою сторону, бросил: «Покраснел? Да потому что любит!»... Позже поэт Борис Примеров как ответ, как объяснение тогдашнему моему

состоянию напишет пронзительные строки: «Если я полюблю, я, наверно, заплачу!»

- Давайте, сфотографируемся на память, - предложил кто-то.

- Можно! - согласился хозяин дома.

Мы тесно встали у ступенек веранды.

- А фотографии будут? - спросил я, осмелевший.

- Конечно, фотограф провинциальный! - с юмором ответил Шолохов.

- Подписали бы нам книги, Михаил Александрович!

- Писатели... И тоже автографы собирают... Оставьте. Подпишу.

Вечером я уже разглядывал снимки и читал надпись на двухтомнике: «А.Тер-Маркарьян - желаю в поэзии быть удачливым, как (по созвучию) был Д'Артаньян! И таким же лихим. М.Шолохов».

Потом я стану обладателем еще нескольких автографов Шолохова. Но первый станет самым памятным.

...В феврале я снова побывал в станице Вешенской. Пришел к уже музейной усадьбе. Падал густой снег на серый мраморный камень, на котором проступало, как кровь сквозь бинты, - «Шолохов».

Было холодно. И мне захотелось дотронуться до камня. Словно отдать ему на прощанье немножко своего живого тепла...

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН.
На снимке: М. Шолохов, А. Тер-Маркарьян, М. Никулин.

Фото В. Чумакова.